

ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДЛОЖНОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА В ВЫРАЖЕНИИ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ (РУССКО-БЕЛОРУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ)

А. Ч. Рыжкович

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Реферат. *Функционально-семантическое поле (макрополе) темпоральности состоит из «сегментов» (микрополей), в каждом из которых существует своя доминанта — языковое средство, основной функцией которого является выражение того или иного временного значения. Семантическая структура макрополя темпоральности включает следующие поля: поле прошлое/настоящее/будущее, поле временной локализованности, поле одновременности/разновременности момента действия и момента времени, поле временного порядка (временной последовательности), поле краткости/длительности временного отрезка, поле единичности/повторяемости (кратности, разделительности) событий во времени. Подполе определенности/неопределенности времени входит в состав всех полей макрополя темпоральности. Одним из средств выражения темпоральных значений являются предлоги. Семантическая структура темпоральных значений представлена темпоративами, дименсивами, терминативами, дистрибутивами. Предлог покрывает всю семантическую структуру макрополя темпоральности.*

Ключевые слова: *темпоральность, предлог, семантическая структура, темпоратив, терминатив, дименсив, дистрибутив, русский язык, белорусский язык.*

В ходе развития общества и науки фактор времени приобретает все большее значение, что вызывает неизменный интерес к изучению категории времени во всех ее аспектах. В науке исследуются различные аспекты категории времени — философский, физический, биологический, астрономический, геологический, социальный, психологический, мифологический, литературоведческий, языковедческий (М. В. Всеволодова, А. В. Бондарко, Г. А. Золотова, Е. В. Падучева, Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Ф. И. Панков и др.).

Темпоральность рассматривают как лингвистический аспект времени, но учитывается различие между функционально-семантической категорией темпоральности и грамматической категорией времени. Функционально-семантическая категория темпоральности образуется с помощью языковых средств, относящихся к разным уровням языка, а грамматическая категория времени относится только к одному языковому уровню. Функционально-семантическая категория охватывает более широкое языковое пространство, в то время как грамматическая категория выполняет роль центра, или ядра, функционально-семантической категории, наиболее специализированно отражая содержание данной функционально-семантической категории.

В семантическом отношении категория темпоральности в лингвистике рассматривается в узком и широком значении. В узком значении данная категория включает в себя три аспекта: «одновременность (настоящее) — предшествование (прошлое) — следование (будущее)» [1, с. 273]. В широком значении темпоральность включает в себя также категорию таксиса и временной локализованности.

М. В. Всеволодова, опираясь на исследования в области функциональной грамматики, использует в своих работах следующее определение: «Темпоральность — это семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком

времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета» [2, с. 36].

Язык располагает организованной системой морфологических, лексических и синтаксических средств выражения понятия времени и временных отношений. Высоким потенциалом в этом отношении обладают предлоги, особенно производные, но в состоянии ли предложная система покрыть всю семантическую структуру категории темпоральности, пока неизвестно. Учитывая категориальное значение предлога (выражать релятивное значение), мы исходим из того, что доля покрытия предлогами семантической структуры поля темпоральности должна быть примерно одинакова в разных языках, во всяком случае — в родственных, какими являются русский и белорусский языки. Расхождения, скорее всего, будут касаться каких-либо лексических, морфологических и других особенностей, не влияющих существенно на типологические межъязыковые различия.

Опираясь на уже имеющиеся грамматические и лексикографические описания всех средств выражения темпоральных значений (литература необозрима), покажем место и роль предлогов русского и белорусского языков в выражении того или иного темпорального значения. Поскольку предлог является формантом синтаксемы, то семантическая структура темпоральных значений представлена (в соответствии с классификацией и терминологией Г. А. Золотовой [3]) следующими типами синтаксем, а следовательно, и значений образующих синтаксемы предлогов: темпоративами (*в 2006 году*), дименсивами (*за 10 месяцев*), терминативами (*с детства*), дистрибутивами (*по полвека*) (терминология).

Материалом нашего исследования послужили предложные единицы и их аналоги с темпоральной семантикой, извлеченные из русских и белорусских лексикографических источников. Белорусские предлоги были извлечены из трехтомного реестра М. И. Конюшкевич [4]. Кроме нормативных словарей, русские предлоги в нашем исследовании представлены также неполными рабочими данными готовящегося к публикации Реестра русских предлогов М. В. Всеволодовой [5], а также русскими соответствиями, данными к белорусским предлогам в Реестре М. И. Конюшкевич. Всего выявлено 1003 темпоральных предлога в русском языке (включая собственно предлоги и единицы, способные выполнять функцию предлога, не покидая границ своей части речи), и 1178 предложных единиц в белорусском языке.

Количество русских и белорусских предложных единиц не совпадает не только по указанным выше особенностям сбора материала, но и в силу большей вариативности белорусского языка. Так, русскому предлогу *во время* чего соответствуют белорусские *у час чаго, пад час чаго, падчас чаго, у часе чаго, у часу чаго*. А в реестре М. И. Конюшкевич находим еще и более расширенные предложные образования в так называемых усложненных синтаксемах: бел. *пад час адсутнасці каго, пад час знаходжання на чым, пад час знаходжання ў чым, пад час праверкі чаго*; рус. *во время отсутствия кого, во время нахождения на чем, во время нахождения в чем, во время проверки чего* [4].

Некоторые предлоги различаются в межъязыковом отношении графически (рус. *по, до* — бел. *па, да*), структурно (рус. *против* — бел. *проці*), набором членов синонимического ряда (рус. *против* — бел. *супраць, проці*), падежным управлением (рус. *по + N₃: по утра*, бел. *па + N₆: па світанні*), стилистической маркировкой, степенью употребительности, асимметричным содержательным соответствием: например, русскому предлогу *к* в белорусском языке соответствуют *к* и *да*, причем корреляция рус. *к* — бел. *да* более регулярна (*к ночи* — *да ночы*), чем одинаковые предлоги (*к ночи* — *к ночы*).

Кроме того, как результат взаимодействия двух близкородственных языков в русском языке имеются предложные единицы с лексемой *час* — *в час* чего, *в часы* кого/чего: *Однажды изобразил Бабуцкий состояние человека в час жандармского обыска*

(Ю. Давыдов). *К ней лепилась разная контра в час скорострельных казней* (Ю. Давыдов). **В часы досуга.**

Предложные единицы, являющиеся формантами темпоральных синтаксем, входят в структуру ФСП темпоральности. Темпоральность рассматривается как «двустороннее единство темпоральной семантики и системы разноуровневых средств ее выражения в данном языке, т. е. функционально-семантическое поле» [1, с. 173]. ФСП темпоральности состоит из «сегментов» (микрополей), соответствующих временным характеристикам, в каждом из которых существует своя доминанта — языковое средство, основной функцией которого является выражение именно этого значения» [6, с. 38]. Семантическая структура макрополя темпоральности включает в себя несколько полей.

1. «Поле прошлое/настоящее/будущее» получило описание в трудах М. В. Всеволодовой [7], А. В. Бондарко [1], Ф. И. Панкова [6], В. В. Морковкина [8]. Темпоративные предлоги способны выражать время, отнесённое протекаемым событием в план будущего: рус. сколько единиц времени *назад*, *после окончания* чего, *после завершения* чего и др.; бел. *пасля чаго*, *праз які прамежак часу*, *цераз які прамежак часу*, *якім часам пазней*, *праз які час пасля чаго*, *недзе праз які час*, *пасля...вечара/ночы/дня/раніцы*, *пасля апублікавання чаго*, *пасля завяршэння чаго*, *пасля заканчэння чаго*, *колькі часу таму назад*, *колькі часу назад*, *колькі часу таму*, *больш за колькі часу таму*, *больш як колькі часу таму*, *з колькі часу таму*.

2. М. В. Всеволодова [7], А. В. Бондарко [1] выделяют «поле временной локализованности».

В поле временной локализованности М. В. Всеволодова выделяет подполе заполненности/незаполненности временного отрезка действием [7]. Если действие заполняет собой весь определенный отрезок, то можно говорить о времени, полностью занятом действием; в случае, если действие занимает временной отрезок частично или заполненность его действием не маркируется, можно говорить о времени, не полностью занятом действием. Время, полностью занятое действием, как и время, не полностью занятое действием, в основном выражается глаголами (*ждать в течение недели* — *зайти в течение недели*, *прочитать книгу за это время* — *уйти за это время*), хотя для выражения данных значений есть специфические именные группы, например, *за + N₄ + до + N₂*, *спустя + N₄*, *перед + N₅* передают только значение времени, не полностью занятого действием: *за час до начала* (пришел), *спустя год* (познакомился), *перед лекцией* (позвонил). Названия временных единиц и определенных отрезков времени во множественном числе в творительном падеже передают значение времени, полностью занятого действием: *годами* (изучал), *столетиями* (формировался) [7, с. 23]. Временную локализованность выражают дименсивные предлоги. Предлоги со значением количественной характеристики времени могут служить для фиксации действия во времени практически любой протяжённости. Действие может быть ограничено или не ограничено четкими временными рамками (на это указывает характер синтаксемы: *на день*, *на некоторое время*). Время завершения действия или конечная точка его протекания, как правило, чаще всего выражается с помощью предлога *за* (*за какое время*).

3. «Поле одновременности/разновременности момента действия и момента времени» отмечено в работах М. В. Всеволодовой [7], А. В. Бондарко [1], Ф. И. Панкова [6] и др. При одновременности (когда действие происходит в рамках временного отрезка) речь идет о прямом времени (*всю ночь*, *за неделю*, *днем*). При разновременности, т. е. в случае, если действие происходит раньше или позже временного отрезка, или только частично (своим концом или началом) захватывает временной отрезок, фиксирующий время действия, налицо так называемое относительное время, в рамках которого выделяют семы предшествования (*до урока*) и

следования (*после урока*). Критерием выделения данного поля служит наличие временного ориентира: лексическое значение существительного называет сам ориентир, а его словоформа показывает отношение к ориентиру.

В сложном предложении средством выражения одновременности и разновременности служат союзы. Одновременность выражается союзами *в тот момент когда, всякий раз когда, в то время как*. Предшествование выражается с помощью союзов *до того как, перед тем как, прежде чем, раньше чем*, следование — союзами *после того как, с тех пор как*. Семантику предложений с такими союзами определяют предлоги, входящие в их состав. Именно предлоги определяют последовательность действий во времени: действие происходит до определенного момента (предлоги *до, перед*), после определенного момента (*после*) или в определенный момент (*по, с, в середине, в*). Значение разновременности выражается с помощью терминативных предлогов: рус. *со времени кого/чего, со времени кого/чего, начиная с какого времени, от какого времени, к началу чего, к концу чего, к середине чего, вплоть до какого времени, вплоть к какому времени, точно к какому времени, ближе к какому времени*; бел. *ад якога часу, з пачатку чаго, з канца чаго, ад пачатку чаго, ад канца чаго, з моманту чаго, з дня чаго, ад часу чаго, ад моманту чаго, ада дня чаго, ад моманту чаго, ад моманту пачатку чаго, ад пары чаго, ад сярэдзіны чаго, аж з эпохі каго/чаго, ад часаў/оў каго/чаго, аж з эпохі каго/чаго и др.*; рус. *напярэдадні чаго, пад што, да пачатку чаго, да перыяду чаго, да ўвядзення чаго, задоўга да чаго, задоўга да пачатку чаго, задоўга-задоўга да чаго, незадоўга да чаго и др.* В рамках отношения одновременности может передаваться информация и более частного характера, конкретизирующая основной временной признак: указание на полное или частичное совпадение во времени.

4. «Поле временного порядка (временной последовательности)» отмеченное в исследованиях А. В. Бондарко [1], представляет собой отражаемое в высказывании и целостном тексте языковое представление «времени в событиях», т.е. представление временной оси, репрезентируемой событиями, процессами, состояниями, обозначениями моментов времени и интервала (*на другой день, через пять минут и т. п.*) [1, с. 18]. Языковая интерпретация временного порядка включает динамичность «наступления фактов» («возникновения новых ситуаций», смены ситуаций) и статичность «длительностей» («данных ситуаций») в сочетании с обозначением или импликацией интервалов между действиями; рассматриваемым представлением охватывается и отнесенность к определенному моменту или периоду времени, выражаемая обстоятельственными показателями типа *с тех пор, с того дня, через месяц, на следующий день, несколько месяцев спустя; затем, потом* и т.п. — это так называемые «обстоятельства временного порядка» [1, с. 20]. Данный сегмент макрополя темпоральности представлен темпоративными (рус. *на следующий день, через месяц*; бел. *на наступны дзень, праз тыдзень*) и терминативными синтаксемами (рус. *с этого времени*; бел. *з гэтага часу*).

5. «Поле краткости/длительности временного отрезка» выделяют А. В. Бондарко [1], М. В. Всеволодова [7], В. В. Морковкин [8], Л. В. Самосудова [9]. Л. В. Самосудова определяет длительность как продолжительность времени совершения действия, в качестве средств выражения называет предлоги (*в течение, во время, в период, при*) [9]. Имена, обозначающие длительность, могут содержать указание на ограничение или не содержать его, поэтому, в соответствии с концепцией А. В. Бондарко, они входят в состав неограниченной (*постоянный, непрерывный, бесконечный, беспрерывный, всегда, навсегда, никогда* и т.п.) или ограниченной длительности (*два часа, до тех пор, пока мы не вернулись, до вечера*). Ограниченная длительность — длительность, «детерминированная пределом, сроком, конечным количеством времени, отведенного данному действию» [1, с. 435]. Пределом

ограниченной длительности является менная точка (термин А. В. Бондарко) (*момент, мгновение, миг* и т.п.).

Перечисленные обозначения временных единиц входят в состав предлогов и уже в своей семантике содержат указание на ограниченную длительность: бел. *у момант чаго, у мамэнт чаго, у імгненне чаго*; рус. *в момент чего, в мгновение чего, в миг чего*. Длительность временного отрезка (в концепции А. В. Бондарко) может быть а) высокой (*долго-долго*), средней (*какое-то время, некоторое время*), малой (*мгновенно*); б) точной (*сорок четыре минуты*) или приблизительной (*несколько минут*); в) протяженной (*долгой, долгое время, пять лет, многие годы*), замкнутой (результативной) (*за два часа*) или длительностью сохранения результата (*на два часа*); семантика двух последних видов зависит от предлога, входящего в состав синтаксемы; г) темпорально характеризованной — в данном случае «темпоральная дейктическая ориентация на момент речи или на какой-либо иной момент, являющийся исходным пунктом временных отношений, включается в конкретную характеристику временной протяженности действия» [1, с. 435]: (*до сих пор, теперь, еще*).

Длительность времени выражается с помощью темпоративных предлогов: рус. *во время чего, на протяжении* какого времени, *в период* кого/чего, *в эпоху* кого/чего; бел. *у час чаго, пад час чаго, падчас чаго, у часіну чаго, на працягу* якога часу *пасля* чаго, *у перыяд* каго/чаго, *у перыяды* чаго, *у эпоху* каго/чаго, *у эру* каго/чаго, *ад часоў* каго, *перыяду* чаго, *часоў* каго, *аб пары* чаго, *ва ўгодкі* чаго и др.

6. «Поле единичности/повторяемости (кратности, разделительности) событий во времени» рассматривается в работах М. В. Всеволодовой [7] и В. В. Морковкина [8]. По мнению М. В. Всеволодовой, перед нами единичное время, если «действие имело место один раз и соотнесено с конкретным единичным отрезком времени» (*в среду*), «если действие повторялось и повторялись временные отрезки, с которыми соотносится в высказывании действие, или повторяются сами временные отрезки при единичности сопоставляемого с ними действия», перед нами разделительное время [7, с. 21] (*по средам*). В белорусском языке это значение представлено предлогами *а пачатку* чаго, *у пачатку* чаго, *у канцы* чаго, *у сярэдзіне* чаго, *у другой палове* чаго, *канца* чаго, *напачатку* чаго, *на пачатку* чаго, *у пачатку* чаго... *і ў сярэдзіне* чаго, *у першай палове* чаго... *сярэдзіне* чаго. Зафиксированы в обоих языках также дистрибутивные предлоги: рус. *продолжительностью от* какого времени *до* какого времени, *с интервалом от* какого времени *до* какого времени, *в период времени от* чего...*до* чего, *в промежутках от* чего...*до* чего; бел. ...*ад*..., ...*ада*..., *ад* якога часу...*да* якога часу, *да* якога часу...*у* які час, *за* які час, *на* які час, *у* які час...*з* якога часу и др.

Подполе определенности/неопределенности времени входит в состав всех полей макрополя темпоральности. Так, временной отрезок может быть неопределенной (*промежуток, период, некоторое время, одно время* и т.п.) и определенной длительности. Из имен отрезков определенной длительности М. В. Всеволодова и В. В. Морковкин выделяют замкнутый класс слов, которые служат названиями единиц счета времени (*секунда, минута, час, день, сутки, неделя, месяц* и т.п.), а из дихотомично противопоставленной ей группы обозначения временных отрезков, измеренных в единицах отсчета (*полчаса, получас, полугодие, двухлетие, трехминутный, шестидневный, полторагодовой, тысячелетний* и т.п.). Некоторые названия единиц счета времени входят в состав предложных единиц: бел. *у дні* чаго, *у дзень* чаго, *у гады* чаго, *у веку* каго/чаго, *у вечар* чаго, *у год* чаго; рус. *в день* чего, *в годы* кого/чего, *в вечер* чего и др. Средствами выражения неопределенности времени в русском языке также служат дейктические слова (местоимения, наречия, частицы), неопределенно-количественные числительные, некоторые существительные. Таким

образом, все средства выражения определенности/неопределенности времени покрывают макрополе темпоральности.

Подполе таксиса нами не выделяется отдельно, поскольку оно частично входит в поле одновременности/разновременности момента действия и момента времени, а частично – в поле временного порядка (временной последовательности), поскольку, с одной стороны, таксис «характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [10, с. 97], а с другой, «отражает порядок следования процессов, т.е. определяет, предшествует ли данный процесс другому, следует ли за ним или сопутствует ему» [11, с. 16]. Об этом свидетельствует и средства выражения таксиса, которые совпадают со средствами выражения указанных полей.

Таким образом, и русская, и белорусская предложные системы способны выразить все виды отношений, составляющих семантическую структуру макрополя темпоральности. Межъязыковые различия наблюдаются в количественных списках предложных единиц, что связано не со степенью богатства того или иного языка, а вызвано различиями в подходах к описанию категории предлога и масштабах подобного описания. Отмечается более высокая степень вариативности в белорусской предложной системе, обусловленная в первую очередь экстралингвистическими факторами [12], обусловившая (наряду с другими причинами) и большее количество предложных единиц в системе этого языка.

РЕЗЮМЕ

У статті доводиться здатність прийменникових систем російської й білоруської мов до вираження усього діапазону значень у семантичній системі категорії темпоральності. Відзначено міжмовні відмінності у специфіці лексики і ступені варіативності прийменникових систем.

Ключові слова: темпоральність, прийменник, семантична структура, темпоратив, термінатив, дименсив, дистрибутив, російська мова, білоруська мова.

SUMMARY

In article capacity of prepositional systems of Russian and Belarus languages is proved to express all range of values in semantic structure of a category темпоральності. Are marked межъязыковые distinctions in a specific character of lexicon and a degree of variability of prepositional systems.

Key words: temporality, preposition, semantic structure, temporativ, terminatiiv, dimensiv, distributive, Russian language, Belarusian language.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность [Текст] / А. В. Бондарко. — Л. : Наука, 1990. — 340 с.
2. Всеволодова, М. В. Функционально-семантические поля и функционально-грамматические категории (К вопросу о структуре содержательного пространства языка) [Текст] / М. В. Всеволодова // Лінгвістичні студії : Зб. наук. Праць / Донецький нац. ун-т; наук. ред. А. Загнітко. — Донецьк : ДонНУ, 2007. — Вип. 15. — С. 34—43.
3. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь : Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса [Текст] / Г. А. Золотова. — М. : Наука, 1988. — 386 с.
4. Канюшкевіч, М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 частках [Текст] / М. І. Канюшкевіч. — Гродна : ГрДУ, 2008—2011.
5. Материалы к словарю русских предложных единиц (предлоги и их эквиваленты). Функциональная грамматика реального употребления. Вып.1. Атрибутированный

- список в диапазоне букв А—И. Неатрибутированный список в диапазоне букв К—Ю [Текст] / М. В. Всеволодова [и др.] (В печати).
6. Панков, Ф. И. Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия : на материале категории адвербиальной темпоральности [Текст] / Ф. И. Панков. — М. : МАКС Пресс, 2008. — 448 с.
7. Всеволодова, М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке [Текст] / М. В. Всеволодова. — М., 1975. — 283 с.
8. Морковкин, В. В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке) [Текст] / В. В. Морковкин. — М. : Изд. Моск. ун-та, 1977. — 168 с.
9. Самосудова, Л. В. Выражение пространственных и временных отношений в эрзянском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Самосудова; Марийск. гос. ун. — Йошкар-Ола, 2007. — 23 с.
10. Якобсон, Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол [Текст] / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. — М. : Просвещение, 1972. — С. 95—113.
11. Храковский, В. С. Таксис: семантика, синтаксис, типология [Текст] / В. С. Храковский. — М. : Знак, 2009. — С. 11—113.
12. Конюшкевич, М. И. Новации в области белорусского предлога (системное, окказиональное, авторское) [Текст] / М. И. Конюшкевич // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т; наук. ред. А. П. Загнітко. — Донецьк : ДонНУ, 2011. — Вип. 22. — С. 121—125.

Надійшла до редакції 20.09.2013 р.